

ГЕРАКЛИТ

Авторы: А. В. Лебедев

ГЕРАКЛИТ (Ἡράκλειτος) из Эфеса (ок. 540 – ок. 480 до н. э., согласно Аполлодору Афинскому), др.-греч. философ, политич. и религиозно-этич. мыслитель пророческо-реформаторского склада. Имел наследств. титул басилевса (царя-жреца), от которого отрёкся в пользу брата. Автор единственного сочинения (в одной книге из трёх глав – «О Вселенной, о государстве, о богословии»), по преданию, посвящённого в храм Артемиды Эфесской; сохранилось более 100 фрагментов-цитат. Книга Г. написана метафорич. языком, с намеренной многозначностью, притчами, аллегориями и загадками (отсюда прозвище Тёмный и трудности интерпретации). Перипатетич. доксография, буквально понимая метафорику Г., односторонне интерпретировала его как «физика», но, по свидетельству грамматика Диодота, сочинение Г. – не «о природе», а «о государстве». Г., по существу, был первым греч. утопистом, предвосхитившим тему «Государства» Платона и написавшим об идеальном переустройстве общества, религии и морали на основании «естеств. закона», начиная с радикальной реформы человеческого языка и мышления.

Своеобразие мировоззренч. и филос. позиции Г. в том, что он выступает как против мифоэпич. традиции (Гомер, Гесиод), так и против рационализма Ионийского просвещения (Ксенофан, Гекатей Милетский). Фундам. оппозиция, вокруг которой вращается мысль Г., – «одно» и «многое» (или «всё»). В онтологии, космологии, теологии, политике и этике Г. утверждает примат «одного» над «многим»: истинно и реально только «одно», оно тождественно с субстратом «этого космоса», оно есть единственный истинный Бог, оно обнаруживает себя в «естественном законе» (парадигматическом для всех человеческих законов), оно же есть высшая этич. ценность (т. к. цель философствования – обожение); соответственно, феноменальный мир «многого» увязывается с многобожием, демократией (правлением «многих»), гедонизмом (любовь к чувственному множеству) и отрицается

Г. как неподлинный и лишённый ценности. Формально монизм Г. сходен с монизмом элейской школы, но метод диаметрально противоположен. Если рационалист Парменид доказывает тезис о единстве путём логич. дедукции, то Г. делает то же самое, декларируя чистый сенсуализм («что можно видеть, слышать, узнать, то я предпочитаю» – фрагмент 5), разбивая весь феноменальный мир на пары противоположностей и показывая «тождество» каждой из них (значит. часть фрагментов Г. – конкретные примеры такого совпадения противоположностей). «Единство противоположностей» у Г. – не «соединённость» или «связность» (которая предполагала бы их отдельную индивидуальность, отрицаемую Г.), но «полное совпадение», абсолютное «тождество» (ταὐτόν), вплоть до неразличимости. Объективное («по природе») «одно» эмпирически обнаруживается как «два». Т. о., именно антитетическая структура «явлений» свидетельствует о нерасторжимой «гармонии» и абсолютном единстве «скрытой природы» – космич. Бога. Сокровенные «мир» и «гармония» обнаруживаются как явленные «война» и «раздор». Но люди «не понимают, что враждебное ладит с собой: перевёрнутая гармония, как лука и лиры» (фрагмент 27). Два атрибута Аполлона (которого Г. считал своим филос. наставником) совпадают в схематич. А («альфе») – образной фигуре лука (символ войны), который при «перевёртывании» оказывается лирой (символом мира).

Эпистемология Г. связана с его философией имени и основана на метафорич. модели «мир как речь» (логос), отсылающей к «тому, что у нас перед глазами», к видимой «речи» природы, к физич. космосу, непосредственно воспринимаемому чувствами. Книгу (речь) природы нельзя прочесть (услышать), не зная языка, на котором она написана; отд. вещи суть «слова» этой речи. Поскольку греч. письмо было сплошным (без разделения текста на слова), философия понимается как искусство правильного чтения (интерпретации) и деления чувственного текста на «слова-и-вещи». Задача философа – вычленять из потока сенсорных данных каждую пару противоположностей, «схватывая» их «вместе», в одном слове-понятии. Люди же разделили «этот логос» не «по природе», в результате все слова человеческого языка – лишь бессмысленные «слоги» природных имён, а весь человеческий язык (и мышление) подобен бессвязному бормотанию спящего или глоссолалии сумасшедшего. Мир как логос, прочитанный (услышанный) правильно, есть «одно», прочитанный

неправильно – «многое». Человечество живёт в неверно дешифрованном мире мнения-доксы: «большинство не воспринимает вещи такими, какими встречает их [в опыте]... но воображает» (фрагмент 3). Люди «сталкиваются» с реальностью лицом к лицу, но не видят её, т. к. погружены в «собственное сознание»; они, «присутствуя, отсутствуют» (фрагмент 2) и видят только собственные сны. Учёные накапливают эмпирич. факты, не понимая, что только умножают своё невежество: познание «явлений» подобно ловле вшей – чем больше «увидел и схватил», тем меньше осталось. «Бытие любит прятаться» (фрагмент 8): чтобы найти золотую крупицу истины, надо перекопать гору пустой породы «явлений» (фрагмент 10). Но тот, кто проделает этот титанич. труд и элиминирует весь феноменальный мир целиком, придёт к исходной точке и встретится с самим собой: «я искал самого себя» (фрагмент 15).

Онтологич. абсолют тождествен субъекту познания (ср. тождество [Брахмана](#) и [атмана](#) в адвайта-веданте). По устранении конвенциональной множественности «этот-вот космос» предстаёт здравому уму как «вечно живущий огонь, мерно вспыхивающий, мерно угасающий», он «не создан никем из [традиционных] богов, никем из людей, но был, есть и будет» (фрагмент 51). «Огонь» – сакральная метафора, обозначающая «чистую сущность» или «невоспринимаемый субстрат», к которому «примешиваются» чувственные благовония («день – ночь», «зима – лето» и т. д.), воскуряемые на Алтаре космоса в Храме природы. Смертные воспринимают только благовония (т. е. «явления») и ошибочно дают им «имена» – «по запаху каждого», тогда как единственная реальная основа («природа») всех этих имён – «огонь». «Огонь» Г. обладает жизнью, сознанием, провиденциальной волей и «правит вселенной» под именем «Перун» (фрагмент 79), т. е. отождествляется с Зевсом. Он – носитель космич. правосудия (Дикэ) и грозный Судия, карающий грешников в конце времён. Греч. слово πῦρ, означающее не столько «огонь» в смысле «видимого пламени», сколько «пыл, жар» (ср. др.-инд. [тапас](#)), у Г. приобретает значение огненной энергии, космич. духа, поскольку противопоставляется плотскому, телесному бытию как его потенциал. «Угасание» огня в начале космич. цикла приводит к его воплощению в чувственно осязаемое тело расчленённого космоса, состоящего из 4 [элементов](#). Наступает эпоха «нужды» и страданий космич. Бога, растратившего себя на

подлунные элементы (воздух, воду, землю), но по истечении этого срока огненный дух развоплощается и наслаждается «Избытком». Эта циклич. пульсация Вселенной бесконечна и фатально неизбежна. В космогонии Г. отчётливо видны следы мифа о страстях умирающего и воскресающего Божества. Отсюда его «трагический пессимизм»: мы живём в эпоху дегенерации бытия, но будущее человечества ещё страшнее настоящего (ср. легенду о Г. как «плачущем философе»).

Человек, как и космос, состоит из света и ночи (духа и тела), попеременное преобладание которых друг над другом («вспыхивание и угасание») вызывает чередование бодрствования и сна, жизни и смерти: умирая, человек «пробуждается» от смерти плотского существования. Подлунный мир, в котором мы живём, – загробное царство (Аид), а тело – могила души. «Души» вовлечены в космич. круговорот элементов (ср. *сансара*), из которого исключён только огонь. Поэтому, чтобы вырваться из круга перерождений и избавиться от страданий, надо сделать свою душу «сухой», т. е. приблизить её к «огню». Достижение «сухости» требует аскезы: диеты (вегетарианство), полового воздержания (т. к. семя есть изливание влажной души) и вообще отказа от чувственных удовольствий. Ниспадая в мир становления, душа начинает питаться испарением из крови собств. тела, постоянное «увлажнение» делает её «пьяной» и сводит с ума: она забывает мир бытия и воспринимает только поток становления. «Влажная душа» и есть субстрат ощущения. Вечно текущие души-испарения Г. сравнивал с реками: «на входящих в те же самые реки текут то одни, то другие воды» (фрагмент 40). «Входящий в реку» – это сознающее Я, погружающееся в поток ощущений. Т. о., мир становления – проекция психич. потока сознания на объективную реальность. Живущий «согласно природе» и «внимающий» логосу, достигнув огненного просветления ума, может обрести «нечаянное» и стать богом при жизни. «Личность – божество [или "судьба"] человека» (фрагмент 94).

Фрагментов политич. раздела книги Г. почти не сохранилось. Вероятно, его политич. идеалом была утопич. просвещённая монархия – правление «одного наилучшего» (фрагмент 98), философа на троне, опирающегося не на писанные законы, принимаемые и отменяемые по «своеволию» большинства, а на «один, божественный», начертанный в вечной «Книге природы». Возможно, однако, что эту монархию он отождествлял с Космополисом и, следовательно, был анархистом-

космополитом (именно так понимали его киники). Политеизм, по Г., должен быть заменён культом одного Бога: «Признавать одно Мудрое Существо: Дух (Γνώμη), могущий править всей Вселенной» (фрагмент 85). На Г. могла повлиять монотеистич. реформа Дария (поэтому его сравнивали с Зороастром), но степень иран. влияния остаётся предметом дискуссий.

Литература

Соч.: Frammenti /Ed. M. Marcovich. Firenze, 1978; The art and thought of Heraclitus / Ed. Ch. Kahn. Camb., 1979; Fragments / Texte établi, traduit, commenté par M. Conche. P., 1986; Фрагменты ранних греческих философов / Изд. подготовил А. В. Лебедев. М., 1989. Ч. 1. С. 188–257.

Лит.: Atti del Symposium Heracliteum 1981. Roma, 1983–1984. Vol. 1–2; De Martino Fr., Rossetti L., Rosati P. P. Eraclito. Bibliografia 1970–1984. Napoli, 1986.